

Святой собеседник академиков

Православный Питер

Пригороды Санкт-Петербурга в основном известны своими дворцами, фонтанами и парками. Но если свернуть немного в сторону от проторенных туристических маршрутов (вдоль которых выстроились длинные очереди гостей из Китая), то попадаешь на другую тропу — паломническую. Северная столица и ее окрестности дали миру целый сонм святых. Все знают блаженную Ксению Петербургскую, «скорую помощницу» в любой нужде, устроительницу семейного счастья, страдальцу за весь мир. Есть и немало других праведников, чья судьба связана с городом на Неве.

Вы знаете такого святого — Серафима Вырицкого? Я раньше почему-то думала, что это древний подвижник эпохи Русского Средневековья, примерно времен Сергия Радонежского. И с удивлением узнала, что он жил в XX веке и был современником Матронушки — Матроны Московской — и врача-священника, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Впрочем, обо всем по порядку... Мы едем в Вырицу, посёлок городского типа в Гатчинском районе Ленинградской области.

От курьера до компаньона

Примерно полтора века назад в одну из лавок петербургского Гостиного Двора вошел крестьянский мальчик. Добрые люди устроили его сюда, так сказать, «по знакомству» на должность рассыльного, то есть курьера. Ребенку всего 10 лет. Недавно он покинул родную деревню в Ярославской губернии и приехал в столицу, чтобы, ни много ни мало, кормить свою семью. Ведь его отец скоропостижно скончался, не дожив и до 40 лет.

Мальчика звали Васей Муравьевым. Трудюбивый и сердечный, он быстро пришелся по душе хозяину, доброму благочестивому человеку. К тому же отрок оказался очень смысленным и постепенно выполнял все более сложные поручения по службе.

Почти все свое жалование Вася отсылал в деревню овдовевшей больной матери, оставляя себе совсем немного денег на самое необходимое. И при любой возможности выезжал домой, помогая ей поддерживать хозяйство.

С годами у него проявился несомненный коммерческий талант. В 16 лет юношу назначили приказчиком (торговым служащим), потом старшим приказчиком... а в дальнейшем владелец бизнеса возлагал на него надежды, как на компаньона. Но несмотря на успешную работу и заманчивые карьерные перспективы молодой человек душою тяготел к совсем иному. В свободное время он часто посещал самый крупный мужской монастырь Петербурга — Александро-Невскую Лавру. Впервые Вася пришел туда в 14 лет и попросил о встрече с наместником (так в монастыре называют руководителя). Поскольку тот отсутствовал, юношу принял один из старцев и выслушал о его горячем стремлении стать монахом. «Васенька! — ответил старец. — Тебе еще суждено пройти путь мирской, тернистый, со многими скорбями...» И дал ему такое наставление: оставаться пока в числе прихожан, творить богоугодные дела,

жениться, воспитать детей и только потом по обоюдному согласию с супругой принять монашество.

Купец и отец семейства

Шли годы. По служебным делам молодому коммерсанту приходилось часто ездить в Москву, Нижний Новгород и другие города России. Везде он старался посетить святыне места, монастыри, поклониться чудотворным иконам. Особенно любил бывать в Троице-Сергиевой Лавре и обрел там духовного отца — будущего святого старца Варнаву Гефсиманского.

В возрасте 23 лет Василий выбрал себе спутницу жизни, девушку из благочестивой крестьянской семьи по имени Ольга. Молодые обвенчались. Вскоре глава семьи открыл свой бизнес, стал действительным членом «Общества для распространения коммерческих знаний в России», получил образование на Высших Коммерческих курсах. А можно ли быть успешным предпринимателем, зарабатывать деньги и оставаться глубоко верующим

человеком? На первый взгляд, это мало совместимо. Однако многие примеры в истории убеждают нас в обратном. Так, Василий Николаевич Муравьев и его жена Ольга Ивановна, несмотря на прибыльное семейное дело, никогда не стремились к богатству и почестям. Свой капитал они тратили на благотворительные цели, много помогали Церкви и ближним. В дни крупных православных праздников в их доме всегда накрывались щедрые столы для людей с улицы. Сами же супруги питались скромно, соблюдали все посты. А вы знаете, сколько постов в Православии? Их четыре: Великий, Рождественский, Петровский и Успенский. Также верующие люди постятся по средам и пятницам в память о том, как в среду Иуда предал Христа, а в пятницу нашего Господа распяли...

Супруги брали к себе домой одиноких больных из казенных больниц, обеспечивали им уход, лечение, домашнее тепло. Некоторые жили у них годами. Муравьевы много жертвовали на нужды богаделен, приютов, поддерживали нуждающихся. Многие благие дела они творили втайне и, случалось, Василий Николаевич отдавал из дома последнее и радовался при этом, как ребенок.

За годы семейной жизни у Муравьевых родилось двое детей — сын Николай и дочь Оленька. Но малышка умерла во младенчестве. К этому времени благочестивые супруги все ближе подходили к завету, который был дан юному Васе старцем из Александро-Невской Лавры: создать семью, воспитать детей и по обоюдному согласию с женой принять монашество.

Лихое время

Грянул 1917 год. Революция и последовавший за ней красный террор, убийства священников и верующих, взорванные храмы, разграбленные монастыри, повсеместная атеистическая пропаганда... В эти страшные годы одна лишь мысль о принятии монашества была подвигом сама по себе. И Василий Николаевич Муравьев понимает, что наступило его время сделать этот шаг.

Тогда же, в женском Воскресенском Новодевичьем монастыре Петрограда, его супруга Ольга Ивановна принимает постриг под именем Христина.

Валерий Филимонов, писатель-агиограф (то есть составитель житий святых), рассуждает так: «...это было время особых испытаний — время, когда познавалась истинная крепость людей; тогда один день стояния в Божественной истине мог равняться целым годам жизни в прежние, спокойные времена, в которые исповедовать свою веру можно было открыто и без всякой опаски».

Итак, Муравьев в годы гонений на церковь уходит в Александро-Невскую Лавру и становится монахом по имени Варнава. Это имя было выбрано в честь его духовного отца, старца Варнавы Гефсиманского. В это время никто из братьев монастыря, выходя утром из своей кельи и направляясь в храм, не был уверен, что вернется вечером живым и невредимым.

В Лавре отец Варнава поставлен заведовать кладбищенской конторой. В стране междоусобная война. Каждый день несут убитых — белых, красных... Похороны за похоронами, панихида за панихидой. Стоны, рыдания близких. Для всех батюшка находил доброе слово, совет, утешение. Тем временем волна репрессий уносит его друзей и сподвижников. Вот расстрелян близкий друг, владыка Петроградский Вениамин. Под стражей сам патриарх Тихон. Арестованы многие епископы, архимандриты, монахи... Но духовная и общественная жизнь в Лавре кипит, как никогда. Открыт сбор средств для помощи голодающим, работает госпиталь для инвалидов, пункт бесплатного питания. Им, как раз, и заведует отец Варнава. А помните, как в свою бытность купцом он на каждый праздник устраивал дома благотворительные обеды?

Пригодились и другие его способности. Вскоре он назначается главным свечником Лавры, что, по сути, соответствует уровню финансового директора. Аккуратность в денежных расчетах, порядок в хозяйственных делах и документах, взаимоотношения с официальными властями — все это легло на его плечи, как ни стремился он прежде всего к жизни духовной и уходу от всего мирского.

Старец Серафим

Кто такой «старец»? Это то же, что и «старик», или не совсем? Как вы думаете? Вопрос непростой. Про многих святых говорили — старцы. Даже когда те еще не достигли преклонного возраста. Есть в истории Православия старцы пока не канонизированные, например известный батюшка XX века о. Павел (Груздев), отсидевший много лет в сталинских лагерях, человек удивительной судьбы и удивительной веры. Есть и современные старцы в монастырях, к ним многие едут за духовным советом, поддержкой. Кто же они такие?

Само понятие «старец» не привязано к духовному сану. Но, как правило, это монах или священник, а чаще всего и тот, и другой — то есть иеромонах. А главное, это духовный наставник своих братьев по вере — монахов, а также приходящих к нему мирян.

Есть и «старицы» — например, святая блаженная Матрона Московская.

И вот, на рубеже 1926-1927 годов отец Варнава становится духовником Александро-Невской Лавры, а перед этим принимает великую схиму — особо строгий обет, который еще называют «ангельским образом». В схиме, в новом постриге, у него новое имя — Серафим. Под ним будущий святой Серафим Вырицкий войдет историю Православия.

Старцу 60 лет. По нынешним меркам еще даже не пенсионер. Но, как мы уже знаем, дело не в возрасте. «Старчество» — особый вид служения Богу и людям, это духовное руководство ближними. Ответственность огромная. Опыт у отца Серафима разносторонний: и житейский, и семейный, и, конечно, религиозный. А своим духовным идеалом он видит преподобного Серафима Саровского, великого русского святого, который жил во времена Пушкина.

Молва о старце Александро-Невской Лавры разнеслась далеко за пределы и монастыря, и города. Многие люди были тогда в растерянности: как жить? «Бога нет!» — насмехаются коммунисты. И ладно б просто насмехались. За свои убеждения, за веру можно поплатиться, как это было на заре христианства, во времена Нерона и других цезарей-язычников. Люди потоками идут в келью старца Серафима — посоветоваться, излить свою беду. Со всеми он чрезвычайно ласков, никого не упрекает, не стыдит, но, как говорится, видит насквозь. Самое существенное

слышат от него собеседники, то, что нужно именно им, именно сейчас. И подытоживает батюшка: «Уж сколько мы от Бога не бегаем, все равно никуда не уйдем».

В Вырицу на покой

Состояние здоровья отца Серафима начинает стремительно ухудшаться. Долгие службы и исповеди в неотапливаемых храмах Лавры (в ту тяжелую пору у монахов не было дров), физические и душевные перегрузки... Боль каждого посетителя он воспринимал как свою, буквально воплощая евангельский завет «Носите тяготы друг друга». От этого слабел и болел. Список диагнозов пополнялся: закупорка вен нижних конечностей, межреберная невралгия, ревматизм, застойные явления в легких и сердечная недостаточность... Батюшка никогда не жаловался и не подавал виду, что страдает. Но в один из дней просто не смог встать с постели. По настоянию близкого друга и духовного «тёзки», митрополита Серафима (Чичагова), который в миру имел профессию врача, старец переезжает из города в зеленую зону — Вырицу. Здешние хвойные деревья, сухая песчаная почва и целебный воздух должны поддержать его слабое здоровье. Долго не соглашался отец Серафим на переезд: как оставить Лавру на растерзание коммунистам, как не иметь возможности поддержать братьев в беде? Страшное, страшное время...

Ухаживать за болящим едут монахиня Христина (в миру — Ольга Ивановна Муравьева, его супруга) и 12-летняя внучка Маргарита.

Поначалу, действительно, у старца был небольшой период покоя в тишине и уединении. Но вскоре к нему снова устремился людской поток. К калитке выстраивалась очередь. Порой это были сотни (!) человек в день, а отец Серафим, лежа на одре болезни, их принимал. Родственники поначалу пытались оградить батюшку от утомительных визитов, оберегая его здоровье. Но тот сказал, что здоровым он теперь никогда не будет, так что на этот счет можно не беспокоиться. «Пока моя рука поднимается для благословения, буду принимать людей».

Порой он сам знал, кто приехал к нему с реальным горем, кому помощь нужнее всего. «Позовите ко мне такого-то». Из очереди выкликали удивленного человека, никогда ранее не встречавшегося с батюшкой, и приглашали в дом. После беседы люди выходили окрыленными, хотя она порой длилась минуту. От батюшки исходил свет. Он говорил мало, но точно и в самое

сердце. Со всеми обращался по-отечески ласково, называл всех «милые», «родные», «любимые»...

Его неоднократно пытались арестовать, приходили с обысками. Однажды он попросил старшего из чекистов подойти к своей постели, погладил его по руке. Глаза их встретились.

— Да простятся тебе грехи твои, — сказал отец Серафим, назвав по имени этого незнакомого ему человека.

Чекист заплакал.

— Если б таких батюшек, как Вы, было больше, мы все были бы верующими...

— Угостите его чайком, — улыбнулся старец.

Диалоги о Вселенной

Среди посетителей и друзей батюшки — лучшие умы эпохи. Академик Иван Петрович Павлов, отец современной физиологии, нобелевский лауреат. Ученик и последователь Павлова биолог Леон Абгарович Орбели. Академик Сергей Павлович Глазенап, один из основателей Русского астрономического общества. Профессор-медик Сергей Серапионович Фаворский, светило Петербурга. Физик-теоретик, академик Владимир Александрович Фок. И многие другие. За чаем они беседуют о Божественной истине, о мире невидимом и о Святом Духе, наполняющем бесконечную Вселенную.

К счастью, наши молодые читатели уже не застали времен, когда в школах детей учили, что наука пришла на смену религии, что ученые разоблачили поповские сказки и пролили свет на истинную природу вещей. Да, так считалось. Но вот незадача: многие образованные люди, причем сверх-образованные, настоящие гении в своих областях, были глубоко верующими людьми.

Взять того же академика Павлова, которого мы знаем по условным рефлексам и разным опытам с собачками. Он даже в самые оголтелые атеистические времена не скрывал своих религиозных убеждений. Например, его лаборатория не работала по двенадцатым праздниками — таким как Рождество, Троица, Благовещение, Успение и др. И безбожная советская власть была вынуждена закрывать на это глаза, списывая все на «чуждачества» великого ученого.

«Мы победим»

Тихая гавань — Вырица. Действительно, зеленый, утопающий в лесах поселок. Эта местность в Ленинградской области считается курортной. Мы подъезжаем к небольшому деревянному подворью, из-за ограды которого свешивается усыпанная красными гроздьями рябина. Мир и тишина... Трудно представить здесь лающую немецкую речь, треск мотоциклов, людей со свастиками. А ведь все это было.

...Великая Отечественная война. В первых числах сентября 1941 года немецко-фашистские части оккупировали Вырицу. Отцу Серафиму уже 75 лет, он очень слаб, но по-прежнему силен духом и полон любви к каждому приходящему к нему человеку. Незадолго до войны арестован и расстрелян его сын, Николай Муравьев. Еще одна великая скорбь легла в душу старца. И вот война... Духовные чада, односельчане идут к батюшке: что будет?

Его внуки вспоминали дедушкины слова: «Один молитвенник может спасти города». Он знал, о чем говорил. Известно, что в самой Вырице, как было предсказано преподобным, не пострадал ни один жилой дом, не погиб ни один человек. Некоторым жителям еще в самом начале войны он предвещал, что они попадут в плен, но потом благополучно освободятся.

И вот еще одно чудо. Немцы, заняв поселок, разместили там союзников — румынскую воинскую часть. Как известно, Румыния воевала на стороне фашистской Германии. И все же они, в отличие от немцев, были православными. Не все попали на войну по своей воле. И вот, с разрешения оккупационных властей, осенью 1941 года открылся и возобновил богослужения вырицкий храм в честь Казанской иконы Божией Матери, который с 1938 года был закрыт богоборцами. Многие румыны тоже приходили на церковную службу. В этом храме в 1943 году монахиня Христина, в миру батюшкина супруга, приняла великую схиму под именем Серафима.

... Однажды высокопоставленный немецкий офицер, командовавший румынской частью, пришел в дом отца Серафима. И был удивлен: немощный седой человек заговорил с ним на чистом немецком языке. Офицер, зная о прозорливости старца, спросил:

— Когда мы пройдем победным маршем по Красной площади?

— Этого не будет, — кротко ответил батюшка. — Мы победим.

— Скажите... а я вернусь с войны?

— Нет. Вы погибнете там-то в таком-то году.

Всё исполнилось в точности.

Уход в вечность

Незадолго до конца войны, в апреле 1945 года, завершился земной путь схимонахини Серафимы, в миру Ольги Ивановны Муравьевой. Батюшка знал, что их разлука будет недолгой. Четыре года спустя, в апреле 1949 года, мирно, с молитвой на устах отошел в жизнь вечную и он сам.

Три дня ко гробу праведника двигался нескончаемый людской поток. Отец Серафим лежал как живой, его руки были мягкими и теплыми. Одна женщина пришла со слепой девочкой и сказала дочке: «Поцелуй дедушке руку». Малышка поцеловала и прозрела. Этот случай хорошо известен вырицким старожилам.

... Мы огибаем большой деревянный храм и подходим к крошечной часовне. Здесь два надгробия. Преподобный Серафим покоится рядом со схимонахиней Серафимой. Долгий путь, целых шесть десятилетий, прошли они рука об руку. Но это был не простой житейский маршрут, а путь во Христе.

Тихое место под сенью вековых деревьев. Можно долго стоять у могилок, размышлять, молиться, о чем-то попросить. Только вот о чем? Вспоминаются слова самого батюшки: «Никогда не надо просить у Господа ничего земного. Ему лучше нас ведомо, что нам полезно. Молитесь всегда так: «Предаю, Господи, себя, детей своих и всех родных и ближних в Твою святую волю».